

11 КИЛОМЕТРОВ ВГЛУБЬ

В ТЕНИ ЗАТОНУВШИХ БОГОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СОФЬЯ ГОЛОВАНОВА

18+

Софья Голованова

**11 километров вглубь. В
тени затонувших богов**

«Автор»

2026

Голованова С.

11 километров вглубь. В тени затонувших богов /
С. Голованова — «Автор», 2026

Для одних Бездна — это вызов. Для других — приговор. Нил Фьюри был одним из лучших глубоководных исследователей. Но даже он не был готов к тому, что ждёт его на дне Марианской впадины. Когда он пропадает, его жена Мишель и друг Кевин делают невозможное — они отправляются на его поиски, вооружившись лишь данными, которые кто-то старательно скрывает. Вместе с ними в смертельную экспедицию отправятся четверо молодых людей, чей отпуск превратился в кошмар. Каждый из них несёт свой страх. Но правда, которую они найдут, окажется древнее любого страха. Спускаясь всё глубже, они поймут: Бездна не просто хранит тайны. Она хранит того, кто не должен проснуться.

© Голованова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ГЛАВА 1 «Там, где гибнет свет»	6
ГЛАВА 2 «Лавандовая бездна»	11
ГЛАВА 3 «Древний взгляд»	14
ГЛАВА 4 «Волны и шёпот»	18
ГЛАВА 5 «Когда исчезают тени»	21
ГЛАВА 6 «Эффект Аша»	26
ГЛАВА 7 «Резонанс»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Софья Голованова

11 километров вглубь. В тени затонувших богов

ДИСКЛЕЙМЕР

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации и диалоги, описанные в этой книге, являются вымышленными и созданы автором. Любые совпадения с реальными людьми, ныне живущими или умершими, компаниями, событиями или ситуациями являются непреднамеренными и случайными.

В книге поднимаются темы, которые могут быть триггерными для некоторых читателей, включая суицид. Если Вы находитесь в трудной жизненной ситуации, пожалуйста, обратитесь за помощью. Вы не одни.

Кризисная психологическая помощь для взрослых в России: 8-800-333-44-34.

Центр экстренной психологической помощи МЧС России: +7-495-989-50-50 или 8-800-775-17-17.

Единый номер для детей, подростков и родителей в России: 8-800-200-01-22.

Международные номера доступны по запросу и в сети интернет.

Посвящается тем, кто боится глубины, но всё равно ныряет.

ГЛАВА 1 «Там, где гибнет свет»

На глубине Бездны Челленджера находится самая глубокая точка на планете Земля. Исследования, проводящиеся в настоящее время, показывают, что на дне обитают небольших размеров организмы, которые приспособились к огромному давлению и отсутствию света. Это различные не многоклеточные существа, представляющие малую опасность для людей. Ведь они никогда не покинут свою темную обитель. По крайней мере, это то, что известно большинству людей.

Исследователь Нил Фьюри, казалось, имеет огромный опыт в погружениях на большую глубину. Его работа неразрывно связана с поисками новых открытий на дне Марианской впадины, представляющую собой форму полумесяца длиной около 2550 километров и шириной порядка 69 километров. Погружаясь раз за разом в темноту, которая способна уничтожить любое плохо спроектированное и смонтированное подводное судно с помощью помощника-давления, Нил чувствовал себя словно дома. Днями и ночами он приветствовал дно, запускающее его в свои пугающие объятия.

В самые удачные дни получалось обнаружить новый вид одноклеточных рыб или других морских обитателей, которые могли похвастаться своими мелкими размерами и полупрозрачным строением тела. Вечная тьма уже не угнетала, а становилась лишь сопутствующей небольшой помехой, — яркие фонари, закрепленные на батискафе, освещали путь на расстоянии вытянутой руки. И это был максимум, достигнутый на такой глубине. Нил и не представлял, как опасна может быть неизвестность. Впадина не была его домом, но позволила поселиться здесь гораздо более страшным вещам. Или существам.

8 июля 2036 года никогда теперь не будет забыт. Для Фьюри он ничем не был примечателен: очередное глубоководное погружение во тьму. Беспольный мониторинг начинал морально изводить исследователя: как и всех работников, которые посвящают свою жизнь только карьере, его посетили кризис и выгорание. Особенно после рождения Эшли, его любимой дочурки, которая, наверное, сейчас сладко спала в кроватке их с женой дома на берегу родной Австралии. Мишель давно оказывала давление на мужа. «Пора тебе оставить свою опасную работу и быть ближе к семье!», говорила она в самые тяжелые дни, когда Нил в очередной раз с большими сумками следовал по направлению к входной двери. Его сердце распадалось на множество кусочков, когда он глядел на жену с Эшли на руках, понимая, что снова оставляет их на несколько месяцев. Такова работа: его командировки на острова вблизи Филиппинов, в Японию и другие места вблизи Марианской впадины стали неотъемлемой частью исследовательской деятельности.

Будучи молодым и целеустремленным, Нил мечтал о том, чтобы спуститься на такую глубину для анализа среды. Его манила загадочность и таинственность этого места, поэтому, соглашаясь на предложение по работе, он мигом стал делать успехи и погружаться больше всех.

Тогда Мишель ещё училась в институте, и они не были знакомы. Но одна конференция изменила всё — больше для Нила не существовала работа как смысл жизни. Его мысли похитила маленькая темноволосая девушка, которая работала исследователем китообразных. Их роман закрутился с огромной скоростью: спустя пару месяцев знакомства Нил заманил Мишель в свою квартиру в Сиднее. И у неё больше не было шансов вырваться. Свадьба состоялась быстро — Фьюри не мог дожидаться счастливой супружеской жизни. Особенно тяжким для него было понимание, что его работа не позволит так просто построить семейное гнездышко. Если бы не появление Мишель, Нил так и остался бы на долгие годы в одиночестве, видящим лишь исследовательскую карьеру перед собой.

Как и муж, жена занималась схожей деятельностью: моря и океаны стали для неё обыденностью и рутинной картиной жизни. Но в попытках забеременеть и обрести женское счастье, Мишель оставила работу и посвятила себя домашнему очагу. На протяжении пары лет она и не думала ставить ультиматумы Нилу, потому что развивалась и сама, занимаясь всё новыми хобби и собирая компании друзей. Но наконец забеременев, жена подняла тему опасности работы мужа и начала ставить вопрос ребром: либо семья, либо работа. Фьюри удавалось выкручиваться из сложных обсуждений, но он знал, что придет день, и Мишель поставит точку с окончательным выбором. Ему явно оставалось недолго до такого дня. Но сердце само начинало манить к самой прекрасной дочке на свете и любимой, заботливой, всё такой же красивой жене.

Поэтому Нил знал, что обыденное погружение 8 июля 2036 года было одним из последних. Пора ему стать примерным мужем и отцом и осесть на месте. Долой опасность и риск потери жизни, это больше того не стоит. Любопытство кончается там, где начинаются любовь и взаимоуважение.

Нил обогнул группу учёных, которые обсуждали последние данные о глубинах океана, и направился к подводному батискафу. Их исследовательская база располагалась недалеко от берегов Японии посреди Тихого океана. Яркие огни и гулкие звуки работы команды создавали атмосферу напряжённого ожидания. Батискаф стоял на платформе, готовый к погружению. Его блестящий корпус отражал свет, словно приглашая Нила войти в свои недра.

Собравшись с мыслями, Нил поднялся по металлической лестнице и открыл люк. Внутри батискафа было тесно, но уютно. Он уселся в кресло, обнимающее его тело, и пристегнул ремни безопасности. На панели управления мигали огни, а перед ним располагался широкий экран, готовый показать таинственные глубины океана.

Нил на мгновение закрыл глаза и представил себе бездну Челленджера — самое глубокое место на планете, куда свет никогда не проникает, а давлением воды можно было бы раздавить корабль. Он медленно выдохнул и сразу представил жену с дочкой, чтобы успокоить немного шалящие нервы, и приступил к проверке показателей и панели управления.

Как только он закончил проверять оборудование и убедился, что всё в порядке, голос из динамика произнёс: «Как слышно, приём?». Нил ответил коллеге, находящемуся в рубке управления и контроля, что всё в пределах нормы. Тот уточнил у него, готов ли Фьюри к очередному погружению. Мужчина кивнул, чувствуя, как старый товарищ, адреналин, знакомо заполняет его тело.

Люк закрылся с тихим щелчком, и батискаф начал медленно опускаться в воду. Нил ощутил лёгкое покачивание — это было как будто он снова родился, погружаясь в мир воды. Он смотрел на экран, где начали появляться первые волны и блики света, а затем всё вокруг стало темнеть.

На ближайшей поверхности в 20 метров океана вокруг батискафа кружат разноцветные рыбы и мелководные водоросли и кораллы, которые видно невооружённым глазом. Издалека можно увидеть плавающих туристов-любителей ещё без оборудования.

Постепенно краски редеют, и Нил может заметить одного малоприметного дайвера-любителя на глубине 40 метров. Человек заинтересованно плывет по направлению к оставшимся кораллам и стайке рыбок.

На глубине 70 метров Нилу кажется, что он видит китовую акулу, но почти сразу теряет интерес и продолжает следить за обстановкой у стекла и параметрами панели управления. Он настолько увлечен своими мыслями и контролем ситуации, что почти не слышит слов диспетчера в динамике.

«Погружаемся на глубину 100 метров, прием».

Спускаясь вниз, исследователь удивляется гигантскому осьминогу, подплывшему почти вплотную к батискафу. Кажется, судно его не интересует, и он сразу ретируется вбок, где пропадает из поля зрения.

За стеклом становится всё темнее. Нил одобрительно выдыхает и прощается со светом на ближайшие 20 часов. Его окружает менее 1% рассеивающихся солнечных лучей с поверхности.

На глубине в 200 метров Фьюри вспоминает, что однажды при погружении умудрился натолкнуться на рыбу-ремень. Она так его напугала своим лентообразным строением и неожиданным появлением, что даже с диспетчером он потом говорил с заиканием. Было весело.

Марианская впадина богата на наличие сенсационных явлений и творений природы: на дне обнаружены горные хребты, состоящие из 4 гор высотой более 2 километров. Исследователь знал, что на глубине в 414 метров находится действующий вулкан Дайкоку. Извержения вулкана сформировали озеро жидкой серы, температура которого достигает 187 градусов по Цельсию. Местечко не из приятных. Похожее явление можно увидеть только на спутнике Юпитера — Ио.

«Глубина 500 метров, прием», снова предупреждает диспетчер, и Фьюри дает ему знать, что он понял.

Приближаясь к отметке глубины в 600 метров, мужчина хмыкнул, припомнив рассказ коллеги, встретившего на похожей дистанции синего кита. Самому Нилу так и не удалось попасть на это невыразимое зрелище. Но говорят, что встреча с китами дает много адреналина и заставляет задуматься о никчемности существования такого маленького существа, как человек. Особое чувство подпитывало Фьюри, когда через специальные динамики батискафа он слышал пение китов. Таким образом, исследователь заключил, что проходит звуковой канал, где слышимость составляет до нескольких тысяч километров. Нил больше никогда не увидит и не услышит синих китов.

Приближаясь к отметке в 830 метров глубины, мужчина начинал тщательнее всматриваться в окружающую обстановку. Фонари батискафа пока освещали не настолько ярко, чтобы видеть полностью перед собой, — нужно экономить энергию и топливо. Где-то здесь обитает гигантский кальмар, которого обнаружили ученые только в 1850х-1860х годах. Еще с древних времен среди моряков ходили слухи и придумывались страшилки, что эти существа нападали на корабли и топили их. Тогда их именовали кракенами.

С каждым метром погружения давление возрастало, а температура понижалась, что отображалось на панели управления, похожей на прямоугольный компьютер. Нил вошел в зону, называемую Батиаль — непроглядной тьмой с огромным давлением, которое способно разнести на мелкие частицы любого человека. Мужчина нажимает пару кнопок на приборной панели, и чернота озаряется ярким светом дополнительных мощных фонарей.

«Погружаемся на глубину 1000 метров, приём», — произнес голос из динамиков. Фьюри подал голос в микрофон и приготовился к небольшим щелчкам, которые первое время его особенно пугали. На некоторых точках глубины давление действовало на батискаф странным образом, поэтому появлялись звуки. Сейчас ничего страшного Нил не видел в этом явлении.

Неподалеку от места погружения находится самый глубоководный вулкан мира — Западная Мата. Его вершина находится на глубине в 1100 метров. В 2009 году произошло его извержение, что не сопровождалось выходом лавы, как у наземных вулканов, но было поистине страшно из-за выхода большого количества серы и бешеного повышения температур. Коллеги пересказывали произошедшее с большим энтузиазмом.

«Глубина 1500 метров, прием», продолжал скандировать динамик. На этой глубине располагается рыболовный трал, который тянется по дну океана. Только в Марианской впадине его не встретишь — большая помеха для исследований. Батискаф мужчины проплывает мнимую точку теоретического местонахождения трала и без труда опускается ниже.

С момента погружения прошло больше двух часов. Нил начинает ерзать на кресле, так как устал находиться в приседе. Вокруг по-прежнему тьма, и ничего интересного не предвидится. Мужчина успокаивал себя занимательным фактом — вода впадины перенасыщена ураном, свинцом, ртутью, что делает её радиоактивной. Даже если бы можно было нормализовать давление внутри бездны, то низкие температуры (от 1 до 4-х градусов по Цельсию) и ядовитый слой всё равно усложнили бы любые попытки человечества изучить дно. Здесь полно гидротермальных источников, зависящих от хемосинтеза, и кипения при выходе серы со дна, которое покрыто вязкой слизью из измельченных останков ракообразных и планктона. И это не единственные чудеса такого глубокого места: внутри впадины существуют 4 каменных моста длиной около 69 километров, образованных из-за движения тектонических плит. А их смещение — ещё одно тяжелое испытание для научных исследований. Усложняется всё тем, что вода из впадины питает и недра планеты: земную кору и верхнюю мантию.

Приблизительно на этой же глубине уже прекращают плавать стаи кашалотов, которые считаются опасными животными. В ярости они могут напасть на судно и не остановятся, пока не уничтожат помеху. Интересным фактом является то, что спят эти существа всего 7% от проведенного времени. Их эхолокация весьма необычна и состоит из щелчков и жужжания, богата звуковыми диалектами и сложна последовательностью, — эти интересные факты Нил узнал от Мишель.

За размышлениями исследователь не заметил, как голос в динамике предупредил о погружении на глубину 3000 метров. Тьма рассеивалась яркими лучами фонарей на передней части батискафа, что помогло отдаленно разглядеть глубоководные коралловые рифы, что носит условное название, так как каменистые кораллы образуют скопления «пятнами» и отличаются структурностью и функциональностью от своих мелководных собратьев. Для того, чтобы изучать их, требуется специальное оборудование.

На глубине 3700 метров диспетчер предупреждает о пересечении условного океанского дна и начала бездны. С начала погружения уже прошло около 4-х часов, и Нил начинает зевать.

Ближе к 4500 метров начинают мелькать всё более жуткие существа. Фьюри замечает рыбу-удильщика, который испуганно проплывает мимо со светящейся удочкой над страшно зубастой мордой. Его пасть работает по принципу капкана, свечение у рыбы достигается за счет светящихся бактерий, которые находятся с ней в симбиозе. Самыми распространенными для встречи являются именно самки средних размеров, к которым со временем пристают карликовые паразитирующие самцы. Отдельные виды срастаются кровеносными системами, что всегда пугало Фьюри. Он с усмешкой думал, что если бы его жена имела возможность срастись с ним в один организм, то она определенно сразу начала ставить ему преграды для продолжения исследовательской деятельности. У удильщиков очень слабый иммунитет, поэтому, как бы ни казалось на первый взгляд, парочки достаточно уязвимы.

Поблизости обитает и черный живоглот. Интересное название связано с растягивающимся желудком, что выглядит как огромный живот. Рыба способна проглатывать добычу в два раза крупнее себя, а внешне напоминает короткотелых угрей. У него очень большой рот с множеством клиновидных передних зубов, а втягивает жертву подвижными глоточными. Конечно, человеку он вряд ли навредит из-за мелких размеров — до 25 см в длину; при самой неудачной ситуации способен попытаться заглотить только руку до локтя. Картина в воображении повеселила Нила, и он продолжил путь во тьме, опускаясь ниже.

«Начало Марианской впадины — 6000 метров», предупреждает диспетчер, и мужчина включает дополнительные механизмы на батискафе для регуляции внешней среды хадальной зоны (экосистемы глубоководных зон).

Интересная часть океана закончилась, и Нил сопит, понимая, что до дна Бездны осталось несколько часов, которые совсем нечем занять, кроме как наблюдением и контролем за пара-

метрами судна. На такой глубине пропадают почти все рыбы и действуют только беспозвоночные или креветки. В воде плавают мелкие частички микроорганизмов.

Бездна Челленджера раньше притягивала Фьюри будто магнитом из-за своей таинственности и мало изученности. Но со временем восприятие из-за частых посещений стало достаточно скучным. Для совершения открытий необходимо медленно, тщательно и долго исследовать дно, что совсем не гарантировало успехов. Терпение исследователя, а также запасы кислорода, воды и мощностей батискафа иссякали с невероятной скоростью. Здесь ты ощущаешь себя словно забытым и покинутым.

Пару часов Нил то скучно поглядывал по сторонам, то зевал, то проверял показатели атмосферы за бортом и внутри батискафа. После долгожданного предупреждения диспетчера о приближении к отметке в 10000 метров глубины мужчина начал готовиться к посадке на дно. Он приблизился к приборной панели и начал нажимать кнопки в уже заученной последовательности. Послышались звуки открытия люков с задней части подводного судна, и загоревшиеся лампочки сигнализировали о выходе дополнительных лопаток, а также ножек для стойки. Оставалось менее 400 метров. Непроглядная чернота настолько уже стала обычной, что Фьюри почти не обращал на неё внимание.

«Приближаемся ко дну. Как слышно, прием?», заскандировал диспетчер из динамика. Исследователь заверил центр управления в нормальном уровне показателей и отсутствии каких-либо происшествий. «Дайте знать, как будете совершать посадку», ответили ему из динамиков и отключились. Нил взял небольшой джойстик для совершения маневрирования и стал постепенно двигаться к песку на дне. Батискаф с трудом слушался команд из-за высокой плотности воды, но это было знакомым явлением, поэтому мужчина совсем не нервничал. Каждое движение уже было как по учебнику.

«Вижу дно, прием», сказал Нил, и, получив одобрительный ответ от диспетчера, поставил батискаф на ножки. Раздался глухой звук, и он оказался на песчаном дне. В тишине, темноте и полном одиночестве.

ГЛАВА 2 «Лавандовая бездна»

Когда ты оказываешься во тьме без единого источника света, о чём ты думаешь? Становится ли страшно от неизвестности, которая могла бы обитать и видеть тебя, а ты почти как ослепший? Или комфортно, чтобы сделать то, чего так боялся совершить при свете? А может тьма — это начало чего-то нового? Сделаешь шаг, и ты первопроходец и победитель.

Мужчина, находящийся в самой низкой точке планеты Земля, не желал выносить тьму и не позволял ей влиять на его жизнь, в том числе и на качество его работы. Он нажал кнопку на панели управления батискафа, чтобы включить огни ярче для более тщательного изучения низин Марианской впадины. С таким освещением Фьюри сразу заметил несколько мелких микроорганизмов, напоминающих прозрачных креветок, и одно маленькое белое облако, которое оказалось пластиковым пакетом.

Глубокая тишина давила на уши и уже начала напоминать об одиночестве. Его команда находилась за много километров от него. Но он не отчаивался, ведь, таким образом, никто не сможет помешать ему доработать последние погружения в пол силы. Отсутствие коллег приносит некое спокойствие.

Мужчина нервно глянул на наручные часы — те самые, которые ему достались после смерти его лучшего друга Дэна в студенческие годы. С маленькой трещиной они служили больше как браслет, чем реальное средство определения времени. Они разбились на большой глубине, когда Дэн, любитель дайвинга, ушел на опасную глубину. Его не нашли, но смогли достать часы. С того момента, как ему их передали, он иногда разглядывает их в поисках умиротворения и хороших воспоминаний о молодости. Он тяжело пережил смерть Дэна, но каждый раз, смотря на часы, словно чувствует, что друг верит в него и старается подсказать путь.

Нил аккуратно развернул батискаф и направился ближе к скальным образованиям, чтобы собрать необходимые образцы породы. С каждым годом его начальство всё больше интересовалось действием подводного вулкана, и основная деятельность, изучение биологических организмов, ушла немного на второй план. Поэтому «соскаблить» что-то с подножья образованных вулканом возвышений всегда приветствовалось. Мужчина и не был против, так как поиск новых необычных организмов очень трудозатратное и долгое дело, а наблюдение за жизнью уже открытых видов может стать бесполезным из-за однообразного поведения обитающих здесь существ.

Батискаф медленно повернулся и подпрыгивающими движениями начал приближаться к подножью ближайшей возвышенности. Как удачно, что Нил совершил свой спуск именно здесь, — совсем рядом при свете фонарей он заметил медленно струящееся дымовое темносерое облако. В обыденной жизни подобное явление можно заметить на тепловых электростанциях, где из трубы выхода горящих веществ вылетают клубы черноты. Изучение таких потоков под водой — не самое приятное занятие. Нужно быть аккуратным, чтобы не попасть под его пары, которые своей температурой могут достигать невообразимых цифр. От совмещения давления, холодных и горячих температур батискаф просто не выдержит нагрузки. Самое нестрашное, что может произойти при таком исходе, это трещина на переднем стекле. Но даже в этом случае Нилу придется сразу ретироваться на поверхность, ведь любая минута может стать последней для него. Трещина на переднем стекле с легкостью может поползти вверх и создать разрыв между первым и вторым слоем, впуская туда огромное давление.

Нил иногда со смехом представлял, как его могло бы сплющить в разные времена погружений, и тогда все мучения закончились бы. Он не успел бы почувствовать ни боли, ни осознать, что наступил конец. Секунды, и его нет. Он растворился в океане и стал пищей для микроорганизмов, которых долго и тщательно изучал на благо человечества. Вот так ирония...

На самом деле, мужчина смеялся с этого, чтобы перестать бояться неожиданной смерти. Его деятельность была очень опасной для жизни, а ему было, что терять. На берегу Австралии его ждали две самые родные души, Мишель и Эшли. Конечно, он осознавал, почему жена отчаянно старается заставить его уйти из исследовательского центра или хотя бы поменять направление. «Можно же уйти в писательство! Станешь автором интересных открытий, добавив перчинки в приключения героев твоих книг», говорила она, качая Эшли на руках. Девчушка уже сладко спала, но Мишель на нервах хотела успокоить себя покачивающими движениями. Нил тогда сидел за столом и держался пальцами за виски и часть лба.

«Мне нравится то, чем я сейчас занимаюсь», упирался тогда мужчина, поднимаясь со стула и уходя в другую комнату. Мишель аккуратно уложила Эшли в кроватку и поспешила за мужем.

«Я очень много нервничаю на этой работе. И я жду, что дома получу покой, который так сильно мне нужен, когда я не здесь», продолжал настаивать Нил, повернувшись к жене лицом. Он знал, что она пойдет за ним и будет настаивать на необходимости смены трудовой деятельности. Но он не позволит ей в этот раз снова его обвести вокруг пальца своими аргументами.

Мишель сложила брови домиком, как она делала, когда её разочаровывало что-то. Такое действие всегда душевно ранило Нила, и он сразу понимал, что обидел её.

Женщина закрыла глаза, вдохнула и выдохнула.

«Тогда я хочу подарить тебе кое-что», сказала она и подошла к ящику у стены. Она присела на корточки и тихонько достала что-то маленькое. Когда Мишель обернулась, Нил заметил крошечный мешочек в её руках. Она взяла ладонь мужа и вложила его ему в руку.

«Это лаванда. Она помогает снимать стресс», грустно проговорила Мишель, заглядывая мужчине в глаза исподлобья. «Я поддерживаю твои начинания и хочу помочь тебе избавиться от стресса. И я надеюсь, что однажды ты отплатишь мне тем же».

Да, у Нила было много вариантов, куда сменить вектор деятельности, которые сыпались от жены. Но ни один не позволял ощутить тот же драйв и адреналин от совершаемого. Когда он женился, то не думал о том, как «риск» и «опасность» противоположны словам «семья» и «брак». Хотя Нил всегда представлял себя отцом в будущем, и у него не было сомнений, что рядом с ним может быть какая-либо другая женщина, кроме Мишель. Она прекрасно знала его вдоль и поперек: даже то, что он сам о себе не знал. И только сейчас Нил был готов дать жене то самое спокойствие, которого она добивалась, — его карьера исследователя погружений на экстремальные глубины океана подошла к концу. Мужчина ещё не определился окончательно, чем хотел бы заниматься после ухода «в отставку», но у него была пара предложений от коллег в смежной деятельности. Зато это было гораздо безопаснее — никаких погружений, только отчетность, аналитика и наблюдение из командного центра.

Нил скользнул взглядом по экрану, отмечая мелькающие в темноте силуэты глубоководной живности. Его пальцы привычно пробежали по панели управления, но мысли снова унеслись куда-то далеко.

«А ведь когда-то я читал об ужасах дна океана...».

В его памяти всплыла старая книга, потрёпанная, с пожелтевшими страницами. Он купил её ещё студентом, запоем проглатывая теории о древних монстрах глубин. Больше всего его поразил мегалодон. Гигантская акула, чьи зубы находили даже в самых глубоких слоях осадков. Учёные спорили: вымер ли он на самом деле? Или просто ушёл туда, куда человеку не добраться?

«Представь, если бы он был всё ещё здесь...».

Нил усмехнулся. Глупость, конечно, да и только. Даже если мегалодоны и выжили, давление на такой глубине превратило бы их в жалкие подобию самих себя — слепых, медленных, раздавленных толщей воды. От прежнего великолепия гигантизма и устрашающего вида не осталось бы и следа. Да и чем бы они питались? На дне Марианской впадины собран самый

скудный набор еды, наверное, во всём мире. Возможно, от необычной атмосферы мегалодон мог бы стать... прозрачным. И со светящимися новыми конечностями. Это было бы эволюционное открытие. Невозможное, но открытие.

И как бы долго не рассуждал Нил о вероятности существования гигантской акулы на дне океана, он не представлял, на кой черт суперхищнику понадобилось бы ретироваться на столь большую глубину, если он вполне комфортно ощущал себя в привычной среде.

Но... что, если он мог быть не один?

В той же книге говорилось о других существах — куда более чудовищных.

О древних кальмарах, невообразимых размеров, способных утащить на дно китобойное судно. Хотя Нил и сталкивался с современной версией этих существ, но их величина оставалась в пределах, представляемых учеными.

О рыбах с зубами, как у тираннозавра, которые могли бы перекусить батискаф пополам. Как огромный удильщик или тот же самый мегалодон.

«И всё равно... я хотел бы их увидеть», — признался он себе и резко вдохнул.

Это было глупо, опасно, почти самоубийственно. И мужчина знал совершенно точно — если бы он столкнулся с чем-то подобным, это было бы последнее, что он увидел бы в своей жизни. Но в этом и заключалась вся суть его работы — увидеть то, чего не должен видеть никто.

Нил обращался к своим старым воспоминаниям со времен начала карьеры и первых глубоких погружений и почти ощущал трепет, который испытывал, когда ему в очередной раз поручали сесть в батискаф. Он почти ликовал и ждал, что на глубине его поджидает что-то, что перевернет всё его нутро, что позволит ему подумать «я знал, что оно где-то есть... и я его нашёл». Эта таинственная, экстремальная и нереальная встреча с другим миром.

Нил резко встряхнулся, когда динамик неожиданно крякнул:

«Фьюри, как слышно? Приём».

«Всё в норме», автоматически отвечает Нил. На секунду погодя, ему кажется, что на приборной панели датчики показывают невообразимые цифры давления в толще воды и дикие холодные температуры. Зажмурившись, он видит, что это не так.

В его голове строится продолжение мысли:

«А что, если однажды... если бы я продолжил погружения... то встретил бы не просто креветку или удильщика... а нечто большее?».

И, к своему удивлению, он чувствует не страх, а азарт, который засел в глубине его души много лет назад. Он с замиранием сердца нажимает на кнопки пульта управления и мысленно отталкивает свои сожаления о нереализовавшихся темных мечтах. Наручные часы тихонько трещат.

ГЛАВА 3 «Древний взгляд»

Темнота сгущалась, словно живая. Давление за бортом было таким, что даже батискаф, созданный для экстремальных глубин, слегка поскрипывал, будто предупреждая: «Дальше — опасно».

Нил медленно подбирался к возвышенности, за которой струилось уже несколько темно-серых дымных облаков.

«Командный центр, запрашиваю разрешение на сбор вулканических пород», проговаривает монотонно Фьюри, нажав на кнопку вызова диспетчера.

В динамиках послышалось непродолжительное шуршание.

«Даю разрешение на сбор 300 грамм. Осторожно, Фьюри, наблюдается беспокойная активность вблизи японских островов», ответили ему из динамиков неразборчиво, словно подачу звука закрывала клейкая лента, и отключились. Нил не придал этому никакого значения. На такой глубине любая передача звука будет шалить. А при любой активности — он знает, что делать.

Нил нервно глядит на наручные часы и нажимает пару кнопок на панели и активирует манипуляторы, которые вылезают из передней части подводного судна как механические ловкие «руки». Мужчина подключает увеличивающую линзу и, наведя её и фонари на нужный участок дна, начинает как хирург осторожно соскабливать образцы породы с подножия скалы. Он скрупулезно выверяет объемы и силу нажатия, чтобы не навредить девственной природной среде — особенно его нервирует осознание, что сборные материалы неизвестно насколько старше него самого, а может и всего человечества в целом.

Нил аккуратно затягивает собранные материалы в переднюю часть батискафа в обособленный прямоугольный контейнер. Новые технологии позволяют не марать руки и не портить научные образцы, ведь из-за резкой смены давления многие добытые материалы могут рассыпаться.

Внезапно, перед тем, как оставить место сбора, его взгляд привлекает что-то странное. Изначально оно не бросалось в глаза, поскольку Нил был внимательно сосредоточен на своем сложном занятии. Но сейчас он отчетливо видит — между камнями находится трещина — узкая, едва заметная, но неестественно ровная, будто рассеченная чем-то острым.

Нил мешкает, а затем повторно выпускает механическую руку и касается ею каменной кладки. Тишина и давление начинают постепенно нервировать. Мужчина бросает взгляд на наручные часы и возвращает его на трещину. Он ощущает щекочущий подкрадывающийся писк в своих ушах. Будто всё ближе подлетает надоедливый комар.

«Такого здесь не должно быть», думает Нил, по-прежнему ощущая нервную щекотку в горле.

Фьюри наклоняется ближе к стеклу, пытаясь разглядеть детали. Он боится лишний раз пошевелиться, но всё же повторно направляет линзу на скалу, которая начинает казаться живой. Трещина видится глубже, чем предполагалось. И она будто бы... расширяется... и плывет.

Нил сначала не понимает, что происходит. Из-за назойливого шума в ушах он не сразу ориентируется, что на дне впадины появилось новое явление.

Пришел звук — низкий, гулкий, будто вдали кто-то застонал. Мужчина думает, что он идет от какого-то животного, например, кита, находящегося за много километров. Но он ни разу не фиксировал подобные явления в Марианской впадине за всё время наблюдений. Затем он решает, что звук идет от неизвестного науке животного, что ещё больше его пугает и заставляет застыть на месте, не шевелясь. Пальцы словно немеют и не слушаются. И даже если бы у него подскакивал адреналин, Нил вряд ли бы смог что-либо сделать. Мужчина бросает взгляд

на трещину, и та — начинает извиваться словно черный подводный уж, то расширяясь, то сужаясь, словно адски пульсируя.

«Что за...», начинает произносить Фьюри.

Неожиданно батискаф резко качнуло, и мужчина подсознательно вцепился в подлокотники. Датчики поверх экрана замигали тревожными огнями и запищали. Будто пытались ослепить и оглушить его.

И тут мужчина слышит щелчок. Тот самый, который он слышал в старых записях подводных землетрясений.

«Центр, прием! У меня тектоническая активность!», — резко кричит Нил, усиленно надавив на кнопку вызова диспетчера пальцем. Он старается как можно дольше удержать его на кнопке, чтобы необычные звуки были записаны командным центром. Но повторный качок не позволил мужчине удержаться в равновесии, и он схватился за поручни сверху. Батискаф заскрежетал и закачался как люлька.

Ответа от диспетчерского центра не последовало. Слышался лишь треск помех.

Фьюри достаточно напуган, но старается взять себя в руки, потому что он не первый среди исследователей, кого настигло подводное землетрясение. Мужчину больше пугало то, что в панике он не помнил всей инструкции поведения. В голову пробирались самые неприятные мысли, и Нил нервно поглядывает сначала на наручные часы, а затем — на стекло батискафа, остерегаясь увидеть трещину. «Это всего лишь движение тектонических плит», успокаивает себя исследователь.

Наступила секундная тишина. Мужчина не знал, готовиться ли ему к худшему. Раздается повторный щелчок.

Дно содрогается. Песок вздымается мутными облаками, поднимая со дна всё. Рядом стоящие скалы сдвигаются, словно живые. А та трещина — резко раскрывается прямо перед батискафом, обнажая черную бездну.

Нил охает. В панике он резко дает задний ход, откатываясь от расщелины. Фонари освещают дно, которое прыгает разными частями. Фьюри глядит на датчики, которые продолжают противно пищать и мигать оранжевым светом. «Позади ничего не должно быть, я могу постепенно подниматься», истерично думает мужчина, манипулируя панелью управления. Но было уже поздно. Края расщелины почти мгновенно разошлись, настигая Нила словно пасть, и батискаф засасывает внутрь.

Оглушительный треск накрывает со всех сторон. А впереди — рёв, который прорывается из центра планеты. Он будоражит все струны его души.

Падение длилось вечность.

Ударившись о дно, батискаф перевернулся, и Нил на мгновение теряет сознание. Когда он приходит в себя, перед глазами пляшут черные точки, а в ушах стоит звон.

«Черт...», журчит мужчина. Он лежит на панели лицом, а его руки всё ещё держатся за подлокотники. Исследователь бросает взгляд на часы на руке и расстраивается: появилась вторая трещина, а одна из стрелок будто желает пойти в обратную сторону.

«Окончательно сломались», обреченно думает Фьюри и отвлекается.

Подняв глаза, Нил замечает впереди полную тьму, освещаемую одним из оставшихся в работе фонарей батискафа. Он также обнаруживает пару трещин на переднем внешнем стекле. Второе стекло, внутреннее, казалось нетронутым. «Худшее случилось...», думает он и обращает внимание на панель управления, которая выглядит так, словно из неё только что вытрясали всё.

Он пытается связаться с центром, нажимая на кнопку вызова и аварийный рычаг. Из динамиков слышен странный скрежет, не похожий на ранние помехи. Мужчина проверяет состояние подводного судна. Датчики показывают критическое давление, но корпус, к счастью, достаточно уцелел.

Оставшийся фонарь мигает, освещая пространство вокруг.

Нил ощущает, как в его груди словно лопается шар, выпуская страх. Он не знает, где находится, и окружает его лишь крошечная тьма. Ему хочется взвыть, когда он думает о Мишель и Эшли. «Я отсюда выберусь», успокаивает он себя, приводя в порядок внутреннее убранство батискафа. Он молится о том, чтобы начатые трещины на переднем внешнем стекле не расползались в стороны. И они, казалось, застыли на месте.

Фьюри прибирается и аккуратно берет в руки аварийный контроллер, позволяющий экономить энергию и маневрировать батискафом. Только в таком случае управление становилось гораздо тяжелее. Выбора у мужчины нет, он не понимает, насколько далеко его закопало из-за землетрясения, а энергию судна необходимо экономить на максимуме. Пока он не поймет, как отсюда выбраться.

«Что ж, двинемся пока вперед, чтобы сориентироваться», бормочет себе под нос Нил. Поведя контроллером вперед, он ведет батискаф навстречу тьме. Оставшийся фонарь подсвечивает неровную поверхность дна, похожую на каменную и повторяющуюся над головой.

«Неужели я в тоннеле?», задается вопросом Фьюри, осторожно оглядывая импровизированные потолки.

Мужчина ещё недолго плутает в темноте, хотя ему и кажется, что прошло много времени. Но всё же он видит зеленоватое свечение впереди и направляет контроллер к нему, на выход из черной глотки.

Прямо перед Нилом открывается невообразимая картина. Точнее, уродливое и замызганное изображение.

Что-то отдаленно напоминающее город.

Казалось, это место пролежало под толщей воды миллионы лет.

Размытые контуры чего-то, что когда-то было городом, проступают сквозь толщу ила и вековые наслоения океана. Колонны, некогда величественные, теперь лежат, переломанные, как кости древнего исполина. Стены с облупившимися барельефами изгибаются под неестественными углами — будто их строили не для людей, а для существ, чьи тела двигались иначе. Арки, слишком узкие для человека, ведут в черные провалы, где даже свет оставшегося работающего фонаря теряется, словно поглощённый вечностью.

Это не может быть творением человеческих рук.

Камень — если это был камень — покрывают странные узоры: спирали, переходящие в резкие углы, символы, напоминающие то ли письмена, то ли шрамы. Всё здесь дышит древностью, но не той, что мертва и безмолвна. Казалось, стены помнят каждый звук, каждый шаг, каждый крик, прозвучавший здесь до того, как вода навеки похоронила это место.

Нил замер.

«Это невозможно...».

Но доказательства перед ним. Он находится внутри чего-то, что не должно существовать. И тут он видит его.

В центре руин, там, где когда-то, возможно, была площадь или храм, возвышается нечто, что ранее напоминало общий камень в руинах.

Но сейчас Нил видит — оно выглядит как статуя, но слишком живая, чтобы быть просто камнем.

Его тело, массивное, скрюченное, покрытое наростами, словно раковинами моллюсков, приросшими за тысячелетия, почти не выбивается из общей картины. Очертания — не то человекоподобные, не то звериные, с слишком длинными конечностями, неестественно изогнутыми, будто сломанными и сросшимися заново.

Если бы Нил был менее насторожен и не особо внимателен, то вероятно не заметил бы этого монстра. Его поза — словно ожидание. Как будто оно притаилось здесь, зная, что однажды кто-то придет. Вечный древний камень, который готов любой момент задавить

любого. Как хищник, который сливается с окружающей средой, а затем нападает на жертву из ниоткуда.

Неожиданно Нил чувствует сладковатый запах, который когда-то начал дарить ему спокойствие. Лаванда. Мишель.

Откуда?

И вдруг — глаза.

Два огромных, мертвенно-белых глаза распахнулись, уставившись прямо на батискаф. Зрачки вертикальные, как у змеи, но слишком большие, заполняющие почти всю белую пустоту. Весь взгляд — одновременно осознающий и отстраненный. Это не взгляд животного. Это древний, холодный анализ увиденной жертвы.

Сердце Нила остановилось.

Последнее, о чём он успел подумать, прежде чем экраны погасли, а связь оборвалась окончательно, были его жена и дочь.

«Мишель...».

«Эшли...».

ГЛАВА 4 «Волны и шёпот»

На поверхности никто не знал, что произошло.

Батискаф Нила Фьюри пропал с радаров в тот момент, когда сейсмологи зафиксировали подводный толчок невероятной силы.

А через час по всем новостным каналам мира прокатилась волна сообщений:

«Мощное цунами обрушилось на побережье Японии и Филиппин. Высота волн достигала 40 метров. Число жертв уточняется...».

По телевизору показывают кадры с вертолётов — разрушенные города, словно игрушечные, смытые в океан. Люди на пляжах кричат, бегут со всех ног, но волна накрывает их — медленно, неотвратно, как ладонь бога, стирающего ошибку.

— Чёрт, — бормочет Джейк, застыв в задней части гостиной с куском пиццы в руке. — Мы же как раз туда собирались...

Четвёрка друзей сидела в гостиной Эмили, уставившись в экран её телевизора. Каждый из них хотел попасть скорее на отдых, особенно на Марианские острова. Их турне Гуам-Тиниан-Рота-Анатахан должно было стать грандиозным. Пока молодой, хочется напиваться на далеких островах, шуршать ракушками, купаться в океане и познавать новую культуру.

— Это же просто совпадение, — фыркает Эмили, поправляя свои светлые волосы, нарочито громко хрустя чипсами. — Нас там не будет ещё пару дней. К тому времени, может, всё уберут.

Она сидит, развалившись в отдельном кресле. Кажется, что катастрофа мало её заботит, хотя голос девушки звучит громко.

— Если вообще что-то останется, — мрачно добавляет Макс, листая новости на телефоне. — Там же целые острова скрылись под водой. Ещё трупы вымывать будут.

— Макс! — слова друга будто отрезвили Джейка, и он хлопает парня по макушке. Его большая ладонь в сопоставимости с широкими плечами и длинным ростом контрастировали с невысоким и немного грузным Максом.

— Что? Рота и Анатахан теперь под водой. Нам нужно пересмотреть логистику, — упирается парень и утыкается снова в смартфон.

— Ты как всегда усложняешь, — вздыхает Эмили, поднимая голову. Когда она её опускает, то натывается на твердый взгляд Макса.

— Нет, Эмили. Я как всегда всё просчитываю. — Его голос стал резче. — Иначе мы окажемся там, где нет ни воды, ни связи, ни помощи. Ты хочешь так?

Девушка сжимает губы, но не отвечает.

Люк сидит посреди дивана. Его белые волосы торчат в разные стороны, а бледный цвет лица и худоба добавляют удивления всему образу. Он притих. Его светлая макушка ярко контрастировала с темной мебелью. И он по-настоящему устался в телевизор, открыв рот. Пальцы парня то сжимались, то разжимались, скорее неосознанно, чем специально.

Только смотрел он не на разрушения, а на океан — тёмный, бескрайний, будто чувствовал, как что-то вырвалось из его глубин.

#

Шепот, запах старого песка, соленого океана, звуки бьющихся кокосов.

Начались счастливые дни на отдыхе.

Эмили с улыбкой до ушей бежит по пляжу и подпрыгивает, вырисовывая ногами незамысловатые круги на песке. Её волосы красиво переливаются на заходящем солнце, а движения кажутся легкими и невесомыми. Она раскидывает руки и визжит от радости.

Джейк фотографирует её и смеётся с получившихся снимков, пока Макс чешет свою коротко побритую голову и ворчит о возможном тепловом ударе.

Хотя остров встретил их неестественной тишиной в отличие от фотографий Гуама в новостных лентах, где жизнь продолжается, они всё же не отчаивались и желали продолжать своё путешествие без изменений. Пальмы стоят покорёженные; когда волны отступили, они оставили после себя липкий солёный налёт на всём — будто океан плевал на землю.

— Ну и атмосфера... — Джейк нервно смеется, просматривая фото и поправляя рюкзак.

На Гуаме штормовые последствия почти не были заметны, судя по фото из новостей. А на Тиниане — достаточно пусто и тихо. Словно всё вокруг замерло. Или покинуло эту обитель в поисках лучшего.

Люк уныло тащится за друзьями, находя в песке маленьких крабов и зарывая пальцами их ямки. Ему было не по себе от всей поездки, поэтому он без особого энтузиазма следовал за остальными повсюду. Вот если бы он остался один на этих островах, тогда ему стало бы совсем худо. Лучше уж с компанией в неприятном месте, чем в одиночестве в лучшем городе мира.

Макс бьет себя по икрам и снова ворчит.

— Ну и дыра! Здесь повсюду какие-то насекомые! Давайте уже ночлег искать, а то придется остаться на улице, а я не хочу этого! — возмущается парень, еле поспевая за Джейком и Эмили. Он пинает пустую скорлупу из-под кокоса.

Девушка фыркает, поворачиваясь к Максусу, но не останавливается и идет вперед спиной.

— Ты долго будешь продолжать ворчать? Мы же отдыхать приехали.

Джейк поправляет свои кудрявые русые волосы и резко оборачивается. Его образ идеально вписывается в атмосферу тропического дикого рая — слегка загорелое подкаченное тело, выгоревшие на солнце волосы, непослушно струящиеся у бровей.

Он фотографирует Макса, когда тот не ожидает этого, смотрит фото и смеется.

— У тебя такооое лицо здесь!

— Я серьезно! Давайте где-нибудь уже приземлимся. Надоело шататься без дела, — продолжает возмущаться Макс. Его темный наряд — черная футболка и черные шорты — делают из него кляксу, которая оказалась не к месту на светлом полотне пляжа.

— Мы и так уже идем в сторону деревни. Сейчас там договоримся с местными, переночуем и двинемся ближе к цивилизации, — в моменте Джейк становится серьезнее и убирает фотоаппарат в хлопковый шоппер.

Вдоль пляжа продолжали идти заросли джунглей, которые не внушали доверия и желания идти через них. Макс недовольно чешет голову. Люк прилепляется к нему и молча следует по побережью.

— Но если мы в итоге окажемся на улице из-за ваших фото-марафонов, я больше с вами никуда не поеду, — продолжает Макс недовольство спустя пару минут молчания.

— Если мы заночуем на улице, то у нас есть палатки и мой фонарик, — на энтузиазме говорит Эмили, улыбаясь. Ямочки на её щеках сильно молодят, а невысокий рост вдобавок не дает воспринимать сказанное всерьез. Девушка достает из маленькой плетеной сумочки палку-фонарь.

Этот фонарик она носит с собой уже немало лет, зажигая его всегда по вечерам. Эмили боится темноты. Дело не в детских страхах, что оттуда могут выпрыгнуть монстры и утащить её с собой. Дело в том, как тьма окутывает пространство, трансформируя то, что при свете не вызывало вопросов, в нечто пугающее и неестественное.

— Ох, да, твой фонарь точно спасет нас от монстров, темноты, комаров и холода, — устало подмечает Макс и закатывает глаза. Он не замечает, как на лице Эмили появляется страх.

— Ты специально её пугаешь? — сбавляет шаг Джейк и рукой касается груди друга, останавливая его. — Я тебя с ней поселю. Сам будешь потом успокаивать.

Люк перебежками старается нагнать своих друзей. Он почти не вслушивается в беседу, а монотонно глядит себе под ноги. В его голове — заевшая мелодия, напоминающая колыбель тихих вод. Он неосознанно напевает без слов и почти слышит, как звучат басистые клавиши фортепиано и шепчет океан.

— Люк, ты собрался врезаться в стену? Парень поднимает глаза на автомате и видит перед собой груды валунов, на которой заканчивается пляж. Он поворачивается влево и замечает друзей, которые встали у выхода с пляжа и ждут его. Люк бросает взгляд снова на камни, затем чешет непослушные белые волосы и идет за друзьями.

— Ты что молчишь? — интересуется у друга Эмили, подходя ближе.

— Он с самого приезда как зомби. Может перегрелся, — едко добавляет Макс и хохочет.

Люк не отвечает и не поднимает головы. Он тащится за друзьями. Подальше от зова бездны.

ГЛАВА 5 «Когда исчезают тени»

Тропический вечер накрывает остров влажным, душным покрывалом.

Друзья долго шли с пляжа и добрались до центра деревни. Их встретили достаточно радушно: местные улыбались и приветливо зазывали купить сувениров. Постройки выглядели неравномерно, полуразрушенные, собранные из деревьев и напоминающие шалаши. Ребята долго думали над вариантами ночлега и наконец сняли хижину на краю деревни — старую, с прогнившими половицами, но хоть какую-то крышу над головой.

— Даааа, о цивилизации здесь слышали мало, — с сарказмом говорит Макс, вытирая пыль с единственной лампы. Свет мигал, будто сопротивляясь тьме.

Пара комнат с шаткими дверьми, полумертвая кухня и уличный туалет с импровизированной душевой. Провалившиеся матрасы, набитые кокосовым волокном, на двух кроватях — по одной в комнате, и гамак в углу. В воздухе витает запах соли, затхлых сладковатых фруктов и старого дерева.

— Зато дешево, — фальшиво бодро говорит Эмили. Ее пальцы нервно сжимают фонарик, хотя она его не включала со вчерашнего дня.

Люк молча сидит на пороге, уставившись в джунгли. Он чувствует, как сильно ему неуютно на этом острове. словно отовсюду ощущается какая-то неясная угроза. Он прислушивается к шелесту листьев в джунглях и присматривается к теням между лианами.

— Предлагаю немного попозже вывалиться на улицу и развести костер с маршмеллоу, — предлагает Джейк, разбирая вещи из рюкзака. Он увлеченно раскладывает подручные средства на ближайшей покосившейся тумбочке.

— Не одобряю. Мы — в ночных джунглях, а ближайшая и единственная инфраструктура — в Сан-Хосе. Если на нас нападут ночью аборигены или животные, мы не справимся, — напряженно отвечает Макс, также раскладывая часть вещей в другой комнате.

— Да что ты заладил? Мы ехали за этим духом приключений! За девственными тропиками и вулканическими продуктами. Ты знал, на что подписываешься! — на повышенном тоне одергивает его Джейк, выходя из комнаты.

Макс останавливается и выходит из своей спальни. Он смотрит на друга и переводит взгляд на Эмили и Люка. Последний отвлекся от природных размышлений и глядит на ребят в упор, опершись о порог, а девушка, сложив руки на груди, стоит у стены.

— Ладно. Но я настаиваю на том, чтобы мы перебрались быстрее в город, — рявкает Макс.

— Мы пару дней побудем в деревне и дальше переберемся, утомись, — обороняется Джейк.

— Я — за дровами, — бурчит Макс и идет к выходу. Он останавливается около Люка и после непродолжительной беседы уговаривает его пойти вместе за элементами костра.

Джейк встает около Эмили и глубоко вздыхает. Она слегка хихикает. Парень улыбается.

— Что тебя веселит? — спрашивает он у неё, опираясь на подобие столешницы локтями.

— Вы как женатая парочка.

— О боже, я тоже об этом думал.

Джейк обороняет голову, и они с Эмили хихикают в голос. Девушка постепенно замолкает и задумчиво выглядывает из-за двери на улицу. Она почти переходит на шепот.

— Что-то Люк ведет себя слишком странно, тебе не кажется? — её голос слегка дрожит, но поведение вполне естественное и спокойное.

— Может у него акклиматизация?

Между ребятами повисает тишина. Эмили меняется в лице и напряженно глядит в перекошенное маленькое окно хижины. Она продолжает сжимать фонарик в руке.

Джейк растягивает улыбку и подвигается ближе к подруге. Но голос напряжён.

— Аборигены или животные... ты слышала, что он сказал? На нас только крабы напасть здесь могут. Их, кажется, миллионы. Вот представь — армия крабов марширует по песку, строит планы захвата нашей хижины... Берегись, за спиной! — Джейк тычет пальцем около девушки, и та взвизгивает. Она отпрыгивает, смотрит позади себя и, не увидев совсем ничего, нервно фыркает.

— Идиот! — она улыбается, но всё ещё тербит пальцами фонарик. — А если... он прав? И тут небезопасно?

Джейк притворно-драматично поднимает левую бровь.

— Океанские призраки? Проклятые чаморро? Или... — друг переходит на шёпот, — Макс, который решил нас напугать за вчерашний прикол с пауком?

Эмили застывает с округлившимися глазами, а затем звонко смеётся, хотя и ненадолго, постепенно замолкая. Словно боясь оставить снова тишину.

— Ладно, ладно... — её лицо снова становится серьезнее, а глаза бегают в размышлениях. — Но Люк... Ты заметил, как он смотрел на воду?

Джейк перестаёт шутить, выпрямляется и встает ещё ближе к девушке. Они уже соприкасаются плечами.

— Заметил, — он берёт её фонарик, включает-выключает. — Может, это не акклиматизация...

Эмили заметно мрачнеет и снова оглядывается на вход в хижину. Джейк перехватывает её взгляд и поднимает фонарик перед лицом девушки, привлекая внимание.

— Эй. Никаких монстров. Только я, ты, и этот супермощный, — он трясёт фонариком, — светильник, способный ослепить даже того парня с кинжалом, — парень снова указывает куда-то за угол, имитируя присутствие кого-то в хижине.

Эмили издаёт слабый смешок.

— Ты ужасно утешаешь.

Джейк удивляется, кладет руку на место, где должно быть сердце, и делает вид, будто его ранили. Потом он улыбается и складывает руки на груди.

— Зато честно. Если что — я первый заору и побегу. Пусть Макс геройствует, — его слова смешат девушку, и они опять заразительно хихикают.

За дверью хижины раздается шорох, который пугает Эмили и удивляет Джейка. Они оба вздрагивают. Девушка неосознанно хватается друга за руку.

Дверь скрипит, а затем в проёме показывается Люк. Его глаза широко открыты, пальцы сжимают охапку хвороста. За ним входит Макс, всё такой же хмурый, но уже с окровавленным коленом. Он скрипит зубами и заходит в комнату.

Люк кивком подзывает Джейка и Эмили.

— Мы нашли дрова. И... кое-что ещё, — весьма монотонно произносит светловолосый и снова уходит к чаще джунглей.

Джейк и Эмили переглядываются, а затем начинают следовать за Люком. Девушка нервно поглядывает на деревья и вертит фонарик в руках.

Люк останавливается неподалеку от хижины и кладет охапку хвороста на землю. Остальные встают в стороне и выжидающе смотрят за его действиями. Джейк напряжен, но старается спокойно отнестись к странностям, которые демонстрирует их друг. Ему приходит в голову, что он более не чувствует себя радостным и в безопасности поблизости от Люка. Эмили украдкой замечает, как Джейк немного поджимает губы, но ничего не делает.

Люк встает около хвороста. Его глаза слегка вытаращены, лицо вытянуто, а волосы будто ещё более лохматые, чем обычно. Он разводит плечами и указывает пальцем на землю.

Глаза Эмили бегают от места на земле до Джейка, который непонимающе прищуривается.

В траве и грязи лежит мокрый, обёрнутый водорослями, рыболовный цветной поплавок. На нём — выцарапанный знак, похожий на спираль.

Эмили быстро включает свой фонарик и подносит к находке. Она смотрит на неё и облегченно вздыхает.

— Вы нашли... поплавок, — с сомнением произносит девушка и смеется. Ей становится легче от комичности ситуации. А ведь Люк и Макс выглядели так, словно откопали что-то действительно устрашающее.

— Ты видишь знак, который на нём выгравирован? — всё ещё серьезно спрашивает бело-волосый друг, продолжая тыкать на вещь пальцем.

— Может кто-то хотел сделать его более... личным, — непринужденно добавляет Джейк и встает во весь рост. — Давайте костер разводить, а не пялиться на мусор.

Только сейчас ребята обращают внимание на резкое потемнение. Становится холоднее, а москиты постепенно начинают чаще доставать. Пламя костра почему-то не хочет разгораться — дым идёт густой и чёрный, пахнувший гнилыми водорослями. Джейк несколько раз обращается к Люку, чтобы тот принес ещё сухих веток, что он послушно выполняет. У него получается расшевелить огонь.

Из хижины выходит с надутыми губами Макс. Его коленка облеплена пластырями. Он присаживается на полено, которое ранее притащил Джейк для всех.

— Что с твоей коленкой? — заинтересованно и немного игриво спрашивает Эмили, открывая бутылку пива. Макс смотрит на неё с предупреждением и угрозой.

— Поскользнулся об этот дурацкий поплавок... — нехотя выговаривает парень. Его колено ноет от раны, что злит и заставляет думать об опасности, которую они сами притянули, поселившись здесь.

Эмили и Джейк хохочут.

Люк медленно берет бутылку пива последним. Он осторожно открывает её и замечает свою одинокую тень, слегка пляшущую от нестабильного света костра. Это заставляет его съежиться. Ему начинает казаться, будто за спиной что-то или кто-то стоит. Парень инстинктивно резко оборачивается и, ничего не видя, кроме темных джунглей, немного успокаивается, хотя и продолжает перебирать сомнения в голове. Он пытается мысленно заблокировать навязчивый шёпот в ушах.

— Вас веселит нелепость или моё несчастье? — насупившись, спрашивает Макс, заглядывая в костер.

— Чувак, успокойся. Тебе надо расслабиться, ты уже на отдыхе, на островах, мы путешествуем! Выпей пивка, забудь о контроле на полчаса, — с ободрением утверждает Джейк, хлопая друга по плечу. Эмили одобрительно улыбается и кивает несколько раз.

— Просто я не вижу для себя такой отдых! Мне нужны чистота, шумный город с работающей навигацией и поменьше насекомых, — отвечает Макс уже более спокойным тоном. Он начинает ощущать вину за своё поведение, потому что прекрасно помнит, как ребята предупреждали его о характере поездки. Но он всё равно упёрся, что поедет с ними. Как и Люк, — тоже практически прилип в самом начале обсуждений и, казалось, загорелся островной идеей больше всех. А теперь сидит, будто сжимаясь внутрь, и ловит инопланетные сигналы. Если бы Макс знал его хуже, то подумал, что он тихо подкуривает какую-то траву в стороне ото всех. Ведь в обычной обстановке Люк является самым безобидным и веселым человеком, которого он встречал. После приезда куда-то пропал бесконечный поток плоских шуток и исчезла крикая улыбка. Его коронное гоготание и забавные логические выводы казались пережитком прошлого, словно это исходило от другого человека. Но Макс тревожился думать об этом. Поэтому откидывал эти мысли как можно скорее.

Он неосознанно посмотрел на Люка, который снова уставился на джунгли справа от них. «Шизик», подумал ядовито Макс и почесал голову.

— Люк, ты чего там? — крикнул Джейк, отрываясь от болтовни с Эмили. Пока только она радовала его своей милой наивностью и жизнерадостностью. Но Люк не ответил, а продолжил смотреть в одну точку, замерев. Казалось, он только сделал один глоток пива и вошел в транс.

— Люк, — немного испуганно произнесла Эмили. Она в очередной раз ощущала, как их друг будто сканирует окружающий мир и видит те опасности, которые недоступны другим из их группы.

— Я что-то слышу, — почти удивленно говорит Люк и оборачивается на остальных друзей.

Джейк встревоженно привстает и немедленно подходит к светловолосому другу ближе. Они оба начинают прислушиваться.

Тогда они слышат пение.

— Вы слышите? — вдруг шепчет Люк.

Все замолкают окончательно.

Из джунглей действительно доносится пение. Сначала Джейк решил, что это местная колыбельная. Но затем он вслушался в слова.

Это была не песня — что-то древнее, монотонное, на языке, которого не должно существовать. Во тьме джунглей ничего не видно.

— Это просто местные, — бросает Эмили, но её голос дрожит. Она нервно сглатывает после произнесенного.

— Какие местные? — Макс встает, всматриваясь в темноту. Наивность девушки его злит. — Тут же ни души!

— Тихо, — Джейк оборачивается на секунду, ставя точку в диалоге, и снова поворачивается к темноте, откуда доносятся звуки.

И тогда они увидели огни. Среди лиан и тропических деревьев мелькал свет. Чередование огней позволяло предполагать, что их немало и что они как неожиданно появились, так и резко начинают удаляться. Цепочка света становилась менее жирной.

Ребята затихают и наблюдают за происходящим, не двигаясь.

Когда огни становятся почти незаметны, Джейк вновь поворачивается к друзьям.

— Пойдём за ними.

Его слова вызывают шок у остальных ребят. Макс, кажется, задыхается возмущением. Глаза Эмили расширяются и выдают страх. А Люк нервно дёргается.

— Мы ведь пойдем все вместе? — задаёт глупый вопрос светловолосый и с надеждой смотрит на остальных.

— Мы никуда не пойдём. Это опасно! Лучше вообще запереться в доме, а завтра — при первой же возможности — слиться отсюда, — Макс встает в позу, складывая руки на груди. Хотя он и принимает оборонительную позицию, сквозь выражение его лица скользит страх.

— То есть, пугающее пение всю ночь у твоего дома тебя не напрягает? А если мы завтра уже не проснёмся? — спрашивает Джейк, отводя руку в сторону и указывая на хижину.

— Вот именно! Мы не проснёмся завтра, если пойдём выяснять, что же это там такое летает и поёт. Я останусь в доме, — твёрдо говорит Макс, слегка топнув ногой.

Люк растерянно смотрит то на Джейка, то на Макса. Его страшит вероятность разделения группы, и он истерично пытается определить, с кем пойдет, если придется выбирать.

Эмили осторожно подходит к Джейку и тянет его за предплечье. Он опускает свой взгляд на неё — тяжелый и твёрдый.

— Джейк, — тихо произносит девушка. Она кажется маленькой и беззащитной, поэтому парень смягчается. — Давай не будем рисковать. Неужели это стоит того?

Друг переводит взгляд с Эмили по очереди на Макса, а затем на Люка. Он колеблется и смотрит в ту сторону, где буквально пару минут назад горели огни.

— Я считаю, что нам стоит посмотреть на то, что там происходит. Если это местные — хорошо, будем знать. А если что-то другое — лучше увидеть, что это, чтобы придумать дальнейший план, — старается рассудительно и спокойно отвечать Джейк.

Эмили глядит на него и поворачивается к Макс.

— Давайте не разделяться, — жалобно шепчет девушка.

— Да, давайте не разделяться, — повторяет за ней Люк словно попугай.

Макс смотрит на Джейка.

— Возьмём нож, фонарик и верёвку. Если что случится, то сразу назад. Не разделяемся, так безопаснее. Лучше идти всем вместе, чем сидеть здесь в виде мишеней, — будто защищаясь, перечисляет Джейк. Он ведет себя так, будто поймал внутренний стержень. А ещё парень прекрасно осознавал, что играет на любви Макса к контролю — создавая мнимое ощущение «всё схвачено».

Макс задумчиво глядит на друга, а затем издает рычащий звук.

— Чёрт с вами. Пошли. Но на десять минут. И если я скажу, что уходим, значит — уходим, — отрывисто произносит парень, махнув рукой.

Для общего спокойствия Джейк быстро сходил в хижину за обещанными приспособлениями, прихватив аэрозоль против насекомых, и вышел к группе.

Они постепенно заходят вглубь темных джунглей. Люк растерянно оглядывает их импровизированное кострище и, посчитав в голове количество друзей, следует за ними последним, замыкая строй.

ГЛАВА 6 «Эффект Аша»

Ребята шли в потёмках тропического леса, стараясь лишний раз не шуметь. Изначально Джейк потерялся и даже начал забывать, в какой стороне они видели огни. Но затем он приметил отдаленные отсветы и четко сформулировал в голове направление. Его тревожило происходящее, но успокаивала мысль, что в его руках оружие от врагов — бечевка и аэрозоль, покоящиеся в передней поясной сумке.

Эмили идет сразу за ним, почти на цыпочках, стараясь из-за большой спины друга разглядеть дорогу впереди. Она вооружена фонариком, но пока не использует его, оставляя выключенным, чтобы не привлекать внимание.

Макс — сразу за ней. Он тревожно оглядывается по сторонам, всё ещё мысленно причитая о том, насколько была плохая идея пойти в ночи за неизвестными огнями. Парень готовится к худшему, держа в руках нож.

Их ряд замыкает Люк, который будто временами переходит в состояние транса и то идёт с замысленным взглядом, то вполне осознанно осматривается вокруг. Шёпот не перестаёт жужжать в его ушах, и парень начинает постепенно думать, что около него летает назойливое насекомое. Он отмахивается от него в районе ушей и что-то шепчет себе под нос, пугая впереди идущего Макса.

«Чёртов шизик...», думает парень и старается отдалиться от светловолосого, держась ближе к Эмили.

Постепенно местность становится менее лесистой: деревья расступаются, лианы и папоротники встречаются реже. Впереди виднеется пляж с тёмными водами океана. Он особенно ярко освещается.

Заметив небольшой булыжник, Джейк останавливается, не спеша выходить из леса. Он поворачивает голову к друзьям и жестами указывает на камень как на следующий этап укрытия. Макс и Эмили осознанно кивают, а Люка приходится пихнуть, чтобы он пришел в себя и понял дальнейшие шаги. Группа ретируется за булыжник. Джейк осторожно выглядывает из-за него.

Люди в чёрных длинных одеждах с капюшонами медленно идут по пляжу, неся что-то на своих плечах. Какая-то часть людей стоит почти вблизи захода в воду и не двигается, удерживая на руках свечи. Их лица закрыты тёмными масками.

— Это... лодка? — шепчет Джейк, прищуриваясь.

Словно огромная гусеница, завернутая в сеть, с длинными, неестественными конечностями.

Макс анализирует увиденное и почти готов заорать. Он сжимает нож так, что костяшки пальца белеют.

— Это... тело, — задыхаясь, произносит парень, отшатываясь от камня. — Нам надо валить отсюда быстрее, — резко добавляет он. Люк жмется к другу — с одной стороны, а Эмили хватает его за руку — с другой.

— Смотри...

Самый преодетый человек, в плаще со странными узорами, похожими на спирали, выглядит словно жрец. Он громко пропевает песню, которая заставила друзей последовать за ними. Он поднимает кривой нож, и огонь костра вспыхивает зелёным цветом.

Компания, прячущаяся за камнем, почти подпрыгивает.

Люди в черной одежде опускаются на колени и медленно кладут гусеницу на песок. Джейк разглядывает её и замечает, как она шевелится. Это действительно не просто гусеница. Это какое-то существо, скорее всего, человек, завернутый в рыболовную сеть, с длинными,

неестественно скрюченными конечностями, выглядевшими как поломанные и вновь сросшиеся. Сетка блестела при свете огней, создавая ощущение слизи на теле.

Джейку начинает казаться, что волосы на затылке встают дыбом.

— Это розыгрыш, такого не бывает, — шепчет парень, замороженно глядя на странный ритуал. Эмили слышит его и перестает дышать от страха. Она сжимает фонарик в руке.

Наступает недолгая тишина. Каждому из компании кажется, будто воздух стал плотнее. Сердца колотятся с такой скоростью, что становится страшно, что их услышат последователи культа на пляже.

Звук, который они слышали дальше, не был человеческим.

Что-то под водой с гулким, басистым стоном ответило жрецу.

Мужчина поднимает нож, подходит к гусенице и вонзает его в неё. Он тащит лезвие по вертикали вдоль всего тела. Гусеница страшно кричит, а затем смолкает и кряхтит. Слышатся булькающие звуки. Жрец вытаскивает нож и руками влезает в тело жертвы, лежащей на песке. Он достает что-то небольшое и снова произносит на непонятном языке фразу, которую подхватывают остальные последователи. С его рук сочится темная жидкость, которая при свете напоминает... кровь.

Макс не выдерживает картины перед глазами и начинает пятиться назад. Его ловит взглядом Эмили и пытается остановить, но после неудачной попытки дёргает Джейку и идёт за другом, чтобы догнать. Джейк следует за ними, не веря в только что увиденное собственными глазами.

Люк замороженно глядит на гусеницу и слышит нечеловеческий шепот из-под воды. Замечая, что остался один, он бежит за группой друзей.

Макс несётся по джунглям, сбивая ногами папоротники и путаясь в лианах. Его накрывает паника. Он бежит в самую темную часть тропического леса, подальше от пляжа и ритуала.

Ветки хлестали каждого из друзей по очереди по лицу, корни путались под ногами, не давая двигаться быстро и равномерно. Воздух, казалось, гудел, будто что-то дышало им в спину.

Эмили снижает скорость и оглядывается, но не видит Люка.

— Люк, — она тихо зовет его, но не успевает осмотреться окончательно. Её хватает Джейк.

— Не оборачивайся, бежим, — убеждает он её и мчится за Максом на дрожащих ногах, держа за руку девушку. Она мельком замечает, как Люк нагоняет их сзади. Его глаза широко раскрыты от испуга.

Впереди в темноте мелькают очертания хижины, которую друзья покинули ради страшных приключений.

Макс забегают в неё и хватается за голову. За ним входят Эмили и Джейк, включая слабый свет одной единственной лампочки. Дверь закрывает Люк.

— Что за хрень? Вы это видели? Что за жесь! — вопит парень, ступая из стороны в сторону.

Эмили внутренне хочет присоединиться к панической атаке Макса, но пока только дрожит и не знает, куда себя деть. Она садится на пол, вжимаясь в стену.

Люк повторяет её действия, стараясь успокоить дрожь в руках. Девушка и парень забираются в угол.

Джейк встает посреди кухни и с твердым выражением лица наблюдает за срывом друга. Он старается не сходить с ума и ищет рациональное объяснение увиденному — спецэффекты, галлюцинации. Но память возвращает воспоминания о корчащейся гусенице, и Джейка тошнит.

— Нам нужно быть тише, — говорит он, выставив руку вперед, чтобы успокоить Макса.

Тишина. Все переводят дух, стараясь успокоить воображение и избавиться от адреналина.

Макс громко выдыхает, сквозь пальцы.

— Я же говорил вам, — шёпотом возмущается парень, оглядывая всех присутствующих.

— Что... что это было? — Эмили утыкается лицом в колени, её плечи трясутся.

— Я не хочу говорить, что это местный культ, — выдавливая из себя Джек, пытаюсь звучать уверенно. — Но правда выглядело, как какой-то... ритуал.

— Ритуал?! — Макс непроизвольно фыркает. — Это была ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЛИЧИНКА!

— Успокойся, — твёрдо обрывает его Джейк.

Люк молчит. Он сидит в углу, поодаль от Эмили, обхватив колени, и смотрит в стену, словно видит что-то за ней.

— Люк? — Эмили замечает его взгляд и от ещё большего страха тянется к нему, но Джейк останавливает её.

— Оставь. Он в шоке.

— Мы уезжаем. Ты обещал мне, — резко уперто произносит Макс, тыча пальцем в Джейка.

— Я знаю, что обещал. Этому должно быть какое-то объяснение! — защищается друг, раскидывая руками в стороны.

— Я не знаю, как мы теперь будем спать, — еле двигая губами, говорит Эмили, всё ещё поглядывая на Люка. Тот перестал смотреть на стену и теперь обратил внимание на всех остальных. Он смотрит на девушку и поджигает губы.

— Ну, давайте... давайте тогда спать по очереди, чтобы кто-то оставался в сознании и сторожил. Каждый час будем сменяться, — предлагает Джейк, стараясь перебирать наиболее выгодные для всех варианты. Ему не хотелось закончить свою жизнь здесь. Одновременно с тем, парень так и не мог поверить, что стал свидетелем настоящего жертвоприношения. Он не хотел признаваться себе, что настаивал на том, чтобы они с друзьями остались здесь, и в итоге завел их в западню.

— Спать по очереди... Там кого-то разрезали и вынули внутренности! — Макс снова теряет самообладание. — Нам нужно уходить сейчас!

— Давай рационально посмотрим: мы в джунглях, цивилизация — далеко. В темноте мы ещё больше испугаемся и, возможно, даже потеряем друг друга, пока будем искать выход и идти к другим людям, — Джейк старается хладнокровно описать ситуацию, но его голос слегка дрожит. — К нормальным людям.

— Чёрт возьми, — почти завывает Макс, осматриваясь в хижине.

— Нам нужно всего лишь пережить эту ночь, а дальше мы уедем, — продолжает Джейк, твёрдо стоя на ногах. Он не двигается и не дёргается, поэтому внушает некое доверие Эмили, Люку и даже Максу. После продолжительного молчания тишина нарушается.

— Хорошо. Это уже выглядит как план... — друг глубоко дышит, пытаясь остановить паническую атаку. — Кто первый на пост?

— Давайте я, раз предложил, — говорит Джейк, доставая аэрозоль и веревку из поясной сумки. Его руки слегка подрагивают. — Час, а следующий ты, Макс.

— Не спорю, — отвечает друг и спешно идет в комнату. Там он ложится на продавленный матрас и утыкается взглядом в потолок.

Эмили следует за ним и ложится рядом боком, отвернувшись к окну, почти на самом краю. Она быстро и порывисто дышит, не смыкая глаз.

Джейк встает и выключает лампочку. Хижина погружается в кромешную тьму. Воздух становится густым, пропитанным запахом соли и гниющих водорослей. Парень садится на

полу на кухне, перед входом в спальню, где разместились друзья, и держит в руках аэрозоль и веревку. Он медленно перебирает их из руки в руку.

Люк сворачивается клубочком в навесном гамаке, прижав колени к груди. Его дыхание ровное, но слишком медленное, будто он боится, что его услышат.

Макс впивается взглядом в проход, где сидит Джейк.

— Ты должен спать, — произносит друг, не отрывая глаз от своего оружия в руках.

— Я не могу, — Макс протирает лицо, пытаясь стереть с него липкий ужас. — Ты видел это. Ты видел, что они сделали.

— Видел. Но нам нужен сон, чтобы завтра были силы на путь.

Тишина.

Затем — скрип половиц.

Все трое вздрагивают, но это просто Люк, перевернувшийся во сне на своём маленьком гамаке.

#

После беспокойной ночи и постоянной смены, каждый из ребят был разбитым. Эмили — единственная, кто не сторожил ночью, но она также не смогла заснуть.

Солнце не принесло облегчения. Оно висело над островом слишком низко, окрашивая джунгли в больной оранжевый рассвет.

Ребята тяжело встали со своих ночных мест и тихо собрались на вылазку. Они договорились, что посмотрят на то самое место, где вчера происходило что-то страшное.

На пляже, в том самом месте, где прошлой ночью разворачивался кошмар, было пусто. Оживленные волны огибали берег, вдалеке летела птица, а песок выглядел нетронутым.

— Здесь ничего нет, — Эмили медленно проходится по песку, вглядываясь в каждую неровность.

Ни следов ног, ни крови, ни обрывков сетки. Только чистый, сухой песок.

— Это невозможно, — удивляется Макс. — Мы все видели.

— Или нам казалось, — вставляет Джейк, уверяясь в том, что ночной кошмар останется кошмаром. Теперь его голос звучит хрипло, устало. — Может, это были галлюцинации? Отравление?

Океан тихо плескался у их ног.

Будто смеялся.

ГЛАВА 7 «Резонанс»

Кевин сидит перед экраном с пустым взглядом. Многочасовой поиск информации через рабочие файлы и доступные источники информации сильно его вымотали. Он хочет спать и уже не чувствует свою пятую точку от просиживания на одном месте; его глаза красные от бессонницы и постоянного просмотра монитора. Каждый файл, который анализировал мужчина, казался издевательством — слишком чистым, стерильным, будто кто-то специально их подправлял.

Последние данные с батискафа Нила, которые Кевину удалось вычислить:

«Глубина: 10 984 м.

Давление: стабильное.

Связь: обрыв на 14-ом часу погружения».

Больше ничего. Ни крика, ни сигнала SOS, ни обломков — его друг просто исчез.

После пропажи Нила работа в исследовательском центре по направлению мониторинга дна приостановлена. Компания отозвала все экспедиции, страховщики бурчали о «непредвиденных рисках».

Но Кевин не мог остановиться. Он будто чувствовал, что землетрясение произошло не по природным причинам, что катаклизм случился по вине чего-то иного.

Руководство лаборатории уже подготовило заявление для прессы. Во всех заголовках статей пестрели схожие трактовки случившегося с Нилом.

«Трагический инцидент. Техническая неисправность и природная несправедливость. Героическая гибель учёного в батискафе на большой глубине».

Кевин протер глаза пальцами, пытаясь избавиться от легкого пота под бровями, и снова приник к рабочему компьютеру.

Данные сейсмологов в библиотеке с доступом команды мониторинга содержали следующую исчерпывающую информацию:

«14 часов 18 минут с момента погружения — зафиксирован подводный толчок магнитудой 6.7. 14 часов 30 минут с момента погружения — зафиксирован повторный толчок магнитудой 6.5. Через 20 минут цунами обрушилось на ближайшие острова».

Кевин пялился на эти данные уже добрых полчаса и не мог понять, почему произошло два толчка на такой большой глубине. Это неестественно — двойные волны ближе к ядру Земли очень редки.

Масштаб катастрофы, казалось, разлетелся на все ближайшие острова. Он смотрел мельком передачу с информацией о количестве разрушений и пострадавших. Ему хотелось оказаться в другом месте и не знать того, что случилось. Ему было безумно тревожно, и он чувствовал в глубине души, что всё это — не просто так.

Мужчина видел, как сейсмологи публикуют отчет за отчетом, и решил, что он обязан их прочитать. «Любая зацепка поможет».

Один человек из команды мониторинга тектонических плит писал: «... на дне зафиксирован странный импульс — не землетрясение, а резонанс». И координаты. Ровно там, где Нил проводил свои исследования.

В той же ветке публикации отчетности приложен отчет с картой местности в координатах, где Нил проводил мониторинг, с актуализацией после происшествия. Никаких разломов, дыр или других впадин, куда мог пропасть батискаф. «Такого не бывает после землетрясения», думал Кевин, разглядывая модель в разной графике.

Исследователь поражался скудности информации, расположенной в открытых источниках для работников лаборатории. Он решил копнуть чуть глубже — закрытые серверы с публикацией отчета с «черного ящика» батискафа. Да, подводные судна лаборатории всегда имели

во внутреннем отсеке ящики, способные передавать параметры окружающей среды при её резкой смене. Только на данный момент они запрещены к просмотру — до решения специальной комиссии. Но прошло уже много времени, и Кевин думает, что пора действовать. Нужно лишь вспомнить пароль, который позволит просмотреть недавние отчеты.

Он перебирал в голове все разговоры за последнее время с Нилом и вспомнил, как однажды в шутку поменял пароль на компьютере на точно такой же, только заменив последнюю цифру. Мужчина открыл ящик рабочего стола и принялся просматривать в дневнике пометки с новыми паролями. Пароль двухмесячной давности был коряво выведен, словно был написан просто так, без причины.

Кевин ввел его в поле идентификации для доступа к записям с батискафа. «Доступ разрешен».

Перед ним открывается папка с файлами звукового и текстового формата. И последняя была передана на глубине в 10 900 метров. Мужчина мысленно ругается — значит полной записи произошедшего нет. А данные после толчков отсутствуют.

Кевин ещё раз глядит на текстовый файл, который печатал информацию с последней глубины, и берет в руки телефон. Он звонит Мишель.

— ... да? — голос как из прошлого. Словно увядший, но помолодевший лет на десять.

— Мишель, это я, — на автомате говорит Кевин, чувствуя свою глупость. Она знает, что звонит он благодаря определителю номера.

— Да, Кев, что там у тебя? — не обращая внимания, спрашивает женщина. Сквозь трубку слышится её легкое, но прерывистое дыхание.

— Пока мало информации. Руководство будто всё подчистило, — признается Кевин, снова протирая глаза рукой. Его тошнит от того, как любая идея ведет в тупик в этом штабе.

— Давай я всё-таки позвоню своим старым коллегам? Может у них будут ответы, а если нет — узнаем о других странностях, — предлагает Мишель. Её голос не меняется и продолжает излучать энтузиазм и инициативу.

Кевин складывает ногу на ногу и откатывается на стуле от рабочего стола. Он вспоминает, с какой болью женщина смотрела на него, когда они только пересеклись после пропажи Нила. Ему казалось, будто из неё высосали всю жизнь — огромные глаза, сухая кожа, похудевшее телосложение, тонкие руки с поломанными короткими ногтями. Он тогда почти спросил у неё, как она поживает, но Мишель сама ответила на немой вопрос — «Эшли — с моими родителями, а я буду искать Нила. Ты со мной или нет?».

Её решительность ошеломляла и восхищала. Она подавала запросы в разные независимые агентства для расследования произошедшего, писала в СМИ, в городские органы, но ответов не получала. И всё равно не останавливалась.

Хотя Кевин и не хотел верить в трагическую случайность исчезновения его лучшего друга и коллеги, но он не мог не признать: после стольких дней ни один подводный исследователь не сможет выжить. Батискаф Нила обладал весьма мощными характеристиками и параметрами, но этот набор позволял находиться на подобной глубине лишь максимум на 96 часов — для полного погружения, пары часов исследования и мониторинга и обратного всплытия с возможными неисправностями. Он знал, что Мишель в курсе этого, и не понимал её решительности продолжать поиски мужа и ответов. Она даже достаточно истерично отказалась от компенсации за гибель супруга при исполнении рабочих обязанностей.

Сам Кевин уже не понимал, во что верить. Он будто на резервном питании продолжал помогать отчаявшейся женщине, оставшейся вдовой с маленькой дочерью на руках.

— Давай, — выжимает из себя мужчина и уже готовится положить трубку, но Мишель его останавливает.

— Я хочу посмотреть открытые источники. Может там будет ещё какая-то информация, которую мы упускаем, — быстро проговаривает женщина. Кевину становится её жаль всё больше.

— Хорошо. Как найдешь что-то, звони. Я продолжу мониторить рабочую аналитику, — со вздохом произносит Кевин и кладет трубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.